

Лави Сан

Измена
К чёрту
страдания

современный любовный роман

Лава Сан

Измена. К чёрту страдания

<https://litres.ru/74212679>

Аннотация

♥#Эксклюзив♥# — Ты всех своих любовниц на видео снимал, или только избранных?! — я в полном отчаянии указала пальцем на монитор ноутбука, где мой муж активно совокуплялся с длинноволосой брюнеткой. — У тебя тут десяток файлов с разными бабами! Муж подскочил к столу и захлопнул крышку-экран: — Не лезь в мою личную жизнь, — злобно прорычал он, — ты всего лишь жена. Твоё место на кухне! *** Я считала себя любимой и единственной... А у мужа оказались совсем другие приоритеты. Когда я обнаружила его коллекцию «домашнего видео» с другими женщинами, то мой мир рухнул. Рассыпался в прах. Но что мне делать дальше? Простить? Проглотить измены и страдать?! Ну уж нет! К чёрту страдания!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Визуалы персонажей	13
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	58
Глава 12	65
Глава 13	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1

Ревизия в салоне связи закончилась быстро. В нашей работе большая редкость, когда удастся закончить пересчет товара до обеда. Мы с Диной управились всего за три часа. И не потому, что халтурили, а потому что в салоне царил идеальный порядок. Респект старшему продавцу, что держал салон в ежовых варежках.

В начале второго мы помахали ручками сотрудникам торговой точки:

— Пока, ребята. С наступающим! — и выскочили на кишашую пешеходами улицу.

Москва уже всю готовилась к Новому году, хотя на календаре было лишь начало декабря. Витрины магазинов радовали глаза нарядными елочками и разноцветными гирляндами. Столбы вдоль дорог мерцали огромными серебристыми снежинками и красными колокольчиками с подсветкой.

Мы шли к метро и ловили это волшебное, щемящее чувство ожидания праздника. Дина просто вертела головой по сторонам, а я думала...

У меня в уме зрел план: достать свою искусственную елочку с антресоли недели через две, не раньше, чтобы магия Нового года не выдохлась до боя курантов. Ведь если смотреть на нее целый месяц до праздника, то елка превратится в обыденность.

Мы спустились в подземку, проехали три станции и вышли на станции метро Динамо. Пять минут ходьбы за дружеской болтовней, и мы пришли в свой двор.

— До завтра, — попрощалась я.

— Покедова, — отсальтовала Дина и потопала к своему дому.

Войдя в квартиру, я сняла сапоги и зимнюю куртку с меховым капюшоном. Переоделась в спальне в домашние шорты и футболку, сунула босые ноги в тапочки и отправилась на кухню. Я вчера варила рассольник, и к сегодняшнему обеду он отменно настоялся. Чтобы не обедать в тишине, я устроилась за своим компьютером и включила очередную серию сериала про зомби: эта кровавая бодяга невероятно расслабляла и отвлекала от рабочих мыслей...

Чтобы не откладывать остатки дневных трудов на вечер, я решила сразу сделать отчет о проведенной ревизии. Дело было на пятнадцать минут: две позиции пересортицы чехлов и один неверный ценник на витрине. Сохранив готовый документ в облаке, я потянулась и оглядела квартиру.

Тишина и покой. Муж на работе. Ужин готовить рановато, книги читать не хочется... Полдня свободно, а делать нечего. Хотя... Я провела пальцем по полке шкафа и решила немного прибраться: протереть пыль и пропылесосить. И время убыло, и чище будет.

С пылевой тряпкой в руке я методично прошла по полкам, подоконнику, телевизору. И вот я добралась до жур-

нального столика в зале, где лежал ноутбук Сергея. Вчера он пришел поздно и изрядно «под мухой»: у его коллеги Романа по салону автопродаж был день рождения. Утром муж мучился от жуткого похмелья, проглотил таблетку, выпил литр «Боржоми» и ушел, бормоча что-то невнятное про «никогда больше». Ноут он так и не убрал, оставив его на столике. Я в то время уже спала и не видела, что он там смотрел глубокой ночью.

Я машинально открыла крышку, чтобы протереть клавиатуру от пыли. Экран ожил, осветив мое лицо холодным синеватым светом.

И я замерла.

Дыхание перехватило, сердце на секунду остановилось, а потом бешено заколотилось, порываясь пробить ребра. В ушах зазвенело...

На экране застыл кадр, от которого кровь бросилась в голову, а потом отхлынула, оставив ледяную пустоту. Мой муж, Сергей, мой любимый Сережа... в чужой спальне лежал в объятиях пышногрудой блондинки лет тридцати пяти. Зрелище было настолько откровенным, лишенным всяких сомнений и так кричаще-пошлым, что у меня от шока потемнело в глазах.

— Нет, — прошептала я. — Этого не может быть...

Рука сама, против моей воли, потянулась к тачпаду. Я закрыла это окно и увидела папку. Обычную папку с безобидным названием «Отчеты по авто», в ней десяток видео-

файлов с именами, которые ничего мне не говорили: «Лера Опель», «Ира Мерс», «Света БМВ»...

Пальцы дрожали, когда я открывала их один за другим. Каждое новое видео было словно удар тупым, ржавым ножом под ребра. Медленным и мучительным. С проворотом.

Вот он с шатенкой в черном кружевном белье на кровати с бархатным изголовьем. Вот с рыжей, почти моей ровесницей, в ванной комнате, отделанной мрамором, они смеются, и он целует ее шею... Разные комнаты, разные женщины, разные позы и многоголосые стоны чужой страсти!

Мой мир сузился до размеров мерцающего экрана, до этих пошлых, чужих тел. Во рту пересохло, а в груди разлилась давящая, тяжелая пустота, которую тут же заполнила острая, режущая душу боль. Это было похоже на падение с огромной высоты, когда земля уходит из-под ног, а внутри все обрывается и замирает.

Я не плакала. Не могла даже пошевелиться, парализованная шоком и жгучим, пронизывающим стыдом. Стыдом, будто это я совершила что-то постыдное; будто это я подглядывала в замочную скважину за чужой жизнью.

И вот когда на экране Сергей с животной, незнакомой мне страстью впивался в губы длинноволосой брюнетки, раздался щелчок замка входной двери. Звук, который всегда заставлял мое сердце биться от радости, что любимый вернулся домой. Теперь он прозвучал как ритуальный колокол, как похоронный залп, возвещающий о конце моей семейной

жизни.

— Аня, я дома! — раздался голос Сергея. Самодовольный, громкий и такой родной, что от этого стало еще больше: — Встречай любимого мужа!

Глава 2

Я оторвала взгляд от экрана и направилась в прихожую, продолжая держать влажную тряпку в руке. Мои нервы сжались, словно пружина, которая при малейшем касании может развернуться и покалечить... Казалось, что это была не я, а какое-то другое существо, переполненное болью, гневом и отчаянием.

Выйдя в коридор, я подняла глаза на Сергея и увидела его улыбающуюся физиономию. Прежде чем мозг успел осознать команду, моя рука поднялась и швырнула в лицо мужа пылевую тряпку.

— Сволочь! Урод! — вырвалось у меня хриплым, чужим криком, который, казалось, разорвал мне горло.

Сергей взмахнул руками, но не успел поймать снаряд. Кажется, он похмелился после вчерашнего... Тряпка угодила прямо в нос. Муж схватил ее и недоуменно уставился на меня. На его ухоженном, холеном лице с идеально подстриженной щетиной застыла комичная, почти клоунская маска непонимания и возмущения. Брови взлетели к волосам.

— Ты что, с дуба рухнула?! — крикнул он, обдав меня свежим ароматом коньяка, и в его глазах мелькнула искорка злости. — Чего орешь?

— Ты всех своих любовниц на видео снимал, или только избранных?! — я в полном отчаянии указала пальцем на мо-

нитор ноутбука, где мой муж активно совокуплялся с длинноволосой брюнеткой. — У тебя тут десяток файлов с разными бабами!

Муж прямо в обуви подскочил к столу и захлопнул крышку-экран:

— Не лезь в мою личную жизнь, — злобно прорычал он, — ты всего лишь жена. Твоё место на кухне!

Его лицо исказилось. Маска благополучия рухнула, обнажив злобное, хищное выражение.

— На кухне? — произнесла я почти истерично и горько, чувствуя, как крик переходит в рыдания. — Чтобы готовить тебе, пока ты трахаешься с другими? Кто эти бабы?! Где ты их в таком количестве нацеплял?

Дышать стало трудно, слезы заливали глаза, но я видела, что на лице Сергея абсолютно отсутствует раскаяние... Он был доволен собой!

— А что, ревнуешь? — он ехидно скривил губы, подходя ко мне вплотную. — Это мои клиентки. Красивые и ухоженные женщины, которые знают, как надо себя вести с настоящим мужчиной. А не как ты: вечно со своими причитаниями «давай ребеночка», «давай вместе время проведем». Они умеют сделать мужчине приятно и не выпрашивают внимания! Да они такое в постели вытворяют, что тебе и не снилось, — тут он усмехнулся и добавил, — кое-кто из них любовницы богатых мужиков, профессионалки...

От его слов, от этой беспробудной наглости, стало физи-

чески тошнить. Каждая его фраза была как плевок в душу, в наши былые чувства.

— А я бревно, что ли? — простонала я, отступая на шаг.
— За четыре года ты ни разу не пожаловался! Я тебе и обед, и стирка, и уборка, и глажка твоих дурацких рубашек! Я тебе всю себя отдала!

— На то ты и жена! — крикнул он в ответ, и его лицо покраснело от злости.

Он резким движением швырнул мне в лицо ту самую пылевую тряпку. Мокрая, грязная ткань хлестко ударила по щеке, и это мерзкое, унижительное действие переполнило последнюю чашу моего терпения.

Сергей продолжил наседать:

— Основной доход в дом приношу я! Так что не смей выделываться и повышать на меня голос! Выполняй обязанности жены и радуйся, что у тебя есть такой муж!

— Я тоже нормально зарабатываю! — закричала я, отбрасывая тряпку в сторону. — И это моя квартира! Моя, слышишь, наследство от прабабушки! Собирай свои шмотки и проваливай к одной из своих ухоженных шлюх! Проваливай к своим элитным любовницам, чтобы я тебя больше не видела! Ненавижу! Проваливай!

Он замер, и на его лице появилась ехидная, холодная ухмылка, которую я видела лишь однажды... Он смотрел на меня, как на назойливое насекомое.

— Ага, понятно! — протянул он с наигранной задумчи-

востью. — Так ты поэтому меня сюда и не прописывала, что только и ждала повода выгнать? Или ты сама нового мужика завела, чтобы с ним тут жить? Не дождешься, дорогая! Это ты сейчас отсюда свалишь! Будешь сидеть в подъезде, пока не одумаешься и не приползешь извиняться!

Он резко схватил меня за руку выше локтя. Его пальцы, сильные, цепкие, впились в мое тело с такой силой, что я вскрикнула от боли и неожиданности.

— Отстань! Выпусти! Это моя квартира! — закричала я, пытаюсь вырваться, но его хватка была крепкой.

— Молчи! — рыкнул он, и его голос прозвучал как удар хлыста.

Он потащил меня к входной двери.

Я отчаянно сопротивлялась, цеплялась свободной рукой за косяк, пыталась упереться ногами в пол... Но его сила, подогретая злостью, коньяком и самомнением, была сокрушительной. Одним мощным толчком он вышвырнул меня на лестничную площадку.

Я не удержала равновесие, споткнулась о порог и упала на холодный бетонный пол у лифта. Удар отозвался болью в бедре и локте. Задыхаясь от рыданий и унижения, я подняла голову как раз в тот момент, когда наша дверь, дверь моего дома, с грохотом захлопнулась.

Резкий щелчок замка прозвучал как приговор.

Визуалы персонажей

Анна Николаевна Истягина: временно работает ревизором в сети салонов сотовой связи. Периодически бывают командировки на пару дней.

Сергей Викторович Истягин: продавец-консультант дорогих автомобилей в элитном автосалоне. Муж Ани.

Дина и Вова Корбут. Дина — опытный ревизор. Подруга и соседка Ани. Позвала Аню работать к ним, когда та осталась без работы аудитора. Владимир — муж Дины, таможенник в аэропорту Шереметьево. КМС по вольной борьбе.

Дорогие друзья. Представляю вам мой новый роман! Вас ждет много эмоций и драматических ситуаций, что затронут самые глубинные чувства. Читайте и наслаждайтесь!

Буду рада вашим звездочкам и комментам. Добавляйте книгу в библиотеку.

Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропускать полезные уведомления: <https://litnet.com/shrt/kged>

Желаю вам хорошего дня, с уважением ваша Лава

Сан)!

Глава 3

Я лежала на холодном бетоне, и дрожь пробивала все мое тело: то ли от страха, то ли от шока, то ли от дикой, всепоглощающей обиды. Слезы стекали и капали на грязный пол, оставляя темные пятна. Подняться не было сил. Казалось, что жизнь остановилась, и я осталась одна в этом бездушном пространстве между лифтом и дверью, за которой только что рухнул мой привычный мир.

Через минуту, собрав последние силы, я все же поднялась с пола, потирая ушибленный локоть. В ушах стоял глухой гул, а в груди засела зияющая пустота.

Я подошла к двери и стала бить в нее кулаком и ногой, пытаюсь достучаться до совести мужа.

— Открой! Немедленно открой! Сергей! Это моя квартира! — мой голос звучал слабо и безнадежно, словно заранее обреченный на отказ.

Из-за двери, словно из другого измерения, донесся его спокойный и наглый голос. Он говорил так, будто обсуждал погоду:

— Если прекратишь истерику и извинишься за то, что вошла в мое личное пространство, то я, быть может, тебя прощу и впущу. Решай быстрее, у меня планы на вечер.

У меня перехватило дыхание. Он мне рога наставил, вышвырнул из дома, а я еще и извиняться должна?

Ощущение полной, тотальной нереальности происходящего заставило меня отступить от двери. Спустившись на один пролет, я остановилась. Ноги подкосились, и я медленно сползла по стене, опершись спиной о теплую, почти горячую батарею подъездного отопления. Ее тепло, такое живое и уютное, мощным контрастом подчеркнуло ледяной холод внутри меня.

И тут память, коварная и беспощадная, принялась терзать меня, вытаскивая из закромов самые светлые, самые радостные моменты. Боль от настоящего стала еще острее.

Парк Горького. Июль. Пять лет назад. Солнце припекало кожу, пахло жареными орехами и сахарной ватой. Мне двадцать два, и я с подружками приехала потусить и покататься на аттракционах. Хотелось почувствовать себя беззаботным ребенком.

Мы отправились туда, где сиденья медленно поднимаются вверх, открывая потрясающий вид на Москву-реку и парк, а потом с оглушительной скоростью падают вниз. Я сидела одна, а рядом, в таком же одиночном кресле, присел симпатичный парень в простой синей футболке и потертых джинсах. Он выглядел немного растерянным и то и дело поглядывал на часы.

— Девушка, а вы не боитесь? — спросил он меня, когда мы поднимались вверх, а ветер развевал волосы и радовал своим теплом.

— Нет, — ответила я, расплываясь в улыбке. — А вы?

— Я-то привычный, — соврал он, и я это поняла, потому что костяшки его пальцев побелели, так сильно он вцепился в поручни.

И тут мы рухнули вниз. Орали все: я, мои подружки, этот парень... Да и остальные посетители экстремального развлечения.

Когда аттракцион остановился, и мы выбрались из кресел, проверяя чистоту трусов, парнишка подошел ко мне, немного смущенный и растерянный:

— Извини, я Сергей. А ты?

— А я Аня, — снова улыбнулась я.

Дальше мы пошли рядом. Оказалось, он ждал тут девушку, с которой познакомился в интернете, но она не пришла.

— Сначала стало обидно, — сказал он и хитро посмотрел на меня, — но теперь я даже рад.

В итоге мы отстали от моих девчонок... Сергей купил мне сладкую вату, огромную, розовую и липкую. Посетили еще пару аттракционов. Смеялись, ели мороженое, катались на катамаране, и Сережа, пытаясь покрасоваться, чуть не опрокинул нас в воду.

Когда мы рассказывали о себе, Сергей сообщил:

— Я снимаю комнату в Отрадном. Сам из Пушкино. Работаю автомехаником. Машины — моя страсть и слабость.

— А я москвичка, с Сокола, — ответила я. — Выучилась на экономиста. Скучно, но перспективно. На днях взяли в одну консалтинговую фирму помощником аудитора. Буду

набираться опыта.

— Коренная москвичка, — рассмеялся Сергей, и в его глазах плескался самый настоящий, неподдельный интерес. — Завидная невеста. Позови как-нибудь в гости. На чай.

Так все и закрутилось. Свидания, первые поцелуи у метро, долгие прогулки, первая ночь... Он был нежен, внимателен, галантен. Иногда он ездил со мной к моей старенькой прабабушке, жившей на Динамо. Пока я убиралась, он бегал в магазин за продуктами, чинил текущий кран и розетки, слушал ее старческие, бесконечные рассказы и никогда не торопился.

Весной Сережа сделал мне предложение на набережной: встал на одно колено и достал кольцо с простеньким, крошечным бриллиантиком, на которое он копил несколько месяцев. Я плакала от счастья и, конечно, сказала «да».

За три месяца до свадьбы прабабушки не стало. Мы переждали сорок дней, сделали в ее квартире легкий косметический ремонт, и она стала нашим гнездышком, нашим общим пространством, полным надежд на долгую и счастливую семейную жизнь.

В день свадьбы мама, поправляя мне фату, шепнула:

— Анюта, я понимаю, у вас любовь... Но пока не родите первого малыша, ты Сергея в этой квартире не прописывай... Мало ли что.

Я тогда лишь отмахнулась:

— Мама, ладно тебе! Он же мой муж!

Но в глубине души ее слова зацепились за что-то, и я послушалась. А Сергей в первый, счастливый и такой стремительный год даже не вспоминал об этом.

Я работала помощником аудитора, он — механиком в сервисе. Потом купил свою первую, подержанную машину, и мы часто ездили к его родителям в подмосковное Пушкино. Там впервые и зашел вопрос о детях.

— Вы уже столько женаты, а ребенка еще не родили, — говорила свекровь, накрывая на стол.

— Мама, да мы пока поживем для себя, нагуляемся, — отмахивался тогда Сергей, обнимая меня за плечи, и я, прижимаясь к нему, соглашалась.

Все было впереди.

Но позже все изменилось. Благодаря постоянному клиенту, чью машину чинил Сергей, мужа пригласили на работу в элитный автосалон. Продавцом-консультантом. Зарплата выросла. Появились дорогие костюмы, рубашки из бутиков, а не с маркетплейсов, регулярные посещения барбершопа... Записался в тренажерный зал... А потом проявилось постепенное, сначала едва заметное, но позже все более явное охлаждение.

Ко мне.

К нашему дому.

Время шло. Я серьезно задумалась о ребенке, но забеременеть не получалось. Пошла по врачам. Все — от терапевта до узких специалистов, в один голос твердили:

— Анна Николаевна, вы абсолютно здоровы. Детородная функция в прекрасном состоянии. Проверьте мужа.

Когда я за ужином, предложила Сергею сдать анализы, он вспыхнул, словно я его жестоко оскорбила.

— Что?! — он с такой силой стукнул кулаком по столу, что зазвенела посуда. — Чтобы я в баночки дробил, как последний дебил? Я нормальный, здоровый мужик! Это у нас с тобой несовместимость какая-то! Химии нет!

— Но я уже хочу ребенка, — настаивала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слезы. — Мне уже двадцать пять.

Сергей тогда впервые посмотрел на меня надменным взглядом:

— Слушай, Ань, — вздохнул он, глядя на меня с высоты своего нового статуса. — Я только сейчас себя полноценным человеком почувствовал. Деньги хорошие зарабатывать начал, уважение клиентов... А ты хочешь, чтобы я в пеленках и памперсах закопался? Чтобы из-за детского рева по ночам не высыпался? Злым и уставшим ходил на работу?

— Ты и так уже не добрый, — хмыкнула я с горькой иронией, — цветы мне дарить перестал, комплименты не делаешь, не гуляем вместе, как раньше. Только готовлю, стираю, убираю, да рубашки твои наглаживаю...

— На то ты и жена, — пожал он плечами, как будто объяснял что-то очевидное глупому ребенку. — Кстати, что у нас на ужин?..

Вот он, тот самый момент, та развилка, где нужно было бить во все колокола, ставить ультиматумы, бороться за свои отношения. А я? А я просто промолчала. Смирилась. Решила, что это временные трудности, что он устает, что это кризис, который нужно переждать. Как же я ошибалась...

Я отлипла от теплой батареи, вытерла ладонью мокрые, липкие от слез щеки. Встала на ноги.

Подошла к своей двери, и палец уже потянулся к кнопке звонка... Но я передумала. Резко одернула руку. Нет. Не буду. Не буду я унижаться. Не буду я просить, умолять, стучаться в свою же собственную квартиру. Не позволю этому гаду обращаться со мной, как с последней дворнягой.

Буду действовать по-другому. Жестко!

В домашних шортах и футболке, в тапочках на босу ногу, я подошла к лифту и нажала на кнопку вызова.

И плевать, что на улице декабрь!

Глава 4

Лифт медленно спускался, поскрипывая тросами над головой. Я смотрела на свое зареванное отражение зеркала на стене и держала пальцы крестиком на обеих руках. В голове стучала одна-единственная мысль: «Только бы Дина была дома. Только бы Дина была дома, только бы Дина была дома...»

С работы мы вернулись вместе, но эта чертовка, вечный двигатель и непоседа, могла в любой момент рвануть в торговый центр, в кино или еще куда-нибудь за приключениями. А мой телефон, кошелек, ключи — все осталось в квартире, вместе с обломками семейной жизни. Ничего, недолго Сереге быть хозяином на моих квадратных метрах...

Наконец, лифт с глухим стуком достиг первого этажа.

Собравшись с духом, я нажала кнопку для открытия двери и выскочила на морозную улицу. Не мешкая, я припустила к соседнему дому. Двести метров по утопанному, посыпанному реагентами снегу. Тапки скользили, промокали насквозь, колючий холод обжигал босые ступни, но я почти не чувствовала этого. Внутри бушевала такая буря ярости, обиды и решимости, что декабрьский мороз казался легкой, освежающей прохладой.

Я подбежала к Динкиному подъезду и, запыхавшись, нажала на домофоне заветные три цифры — номер ее квар-

тиры. В динамике раздалась длинные, неторопливые гудки. Каждый гудок отдалял надежду на быструю помощь.

— Ну же, ну же... — шептала я, пританцовывая на месте, чтобы согреться.

После четвертого сигнала в динамике что-то щелкнуло, и я услышала жизнерадостный голос подруги:

— Кто тама?

Несмотря на свое горе, я невольно усмехнулась. Не может Дина без своих дурацких приколов, даже через домофон.

— Свои, — гаркнула я в решетку-микрофон, голос дрогнул от холода и волнения.

— Свои в такую погоду дома сидят, — парировала она с неподражаемой серьезностью, — только чужие по дворам шастают.

— Динка, блин, открывай! — взмолилась я, пританцовывая на месте. — Я в одной футболке и тапочках!

— Без трусов, что ли? — уточнила она с деланным ужасом. — Я не готова к столь близким отношениям. Вовка будет против!

Но домофон тут же запищал, и тяжелая железная дверь приоткрылась, впуская меня в спасительное тепло подъезда. Я поднялась по первым ступенькам и нажала кнопку вызова лифта. Тремор от холода начал понемногу отступать, сменяясь нервной, лихорадочной дрожью ожидания.

Мы с Диной познакомились настолько комично, что это с легкостью могло бы стать завязкой для какого-нибудь мо-

лодежного ситкома. Я уже год как переехала в прабабушкину квартиру, но с соседями не зналась: классическая московская отстраненность. Как-то раз я шла из ближайшего супермаркета, нагруженная по уши пакетами с продуктами. И тут один из них, самый тяжелый, с картошкой, предательски лопнул у самого моего подъезда. Клубни с издевательским стуком покатались по асфальту во все стороны, а я лишь растерянно провожала их глазами.

Мимо шла девушка в салатовой футболке и красных джинсах... Она приостановилась, подняла одну картофелину и с глубокомысленным видом изрекла:

— Зря ты их тут вывалила. Не прорастут.

И рассмеялась. Я тоже.

Она помогла мне собрать рассыпавшиеся клубни и распихать их по остальным пакетам. В процессе она представилась:

— Я Дина. Вон в том доме живу.

— А я Аня. В этом подъезде проживаю.

Дина подхватила пару объемных пакетов и твердо сказала:

— Я помогу тебе покупки донести.

Так мы оказались в моей квартире. В знак благодарности я напоила ее чаем с простым «Юбилейным» печеньем, мы разговорились и подружились. Оказалось, что мы — ровесницы, и обе недавно вышли замуж. Дина выросла в этом доме, закончила местную школу и знала весь район.

Проживала моя новая подруга в трехкомнатной квартире.

Но помимо нее и мужа Вовы там жили и родители Дины. Мама и папа оказались милейшими людьми, которые легко согласились пустить в дом новоявленного зятя, когда Дина привела его в дом и объявила:

— Маменька и папенька, мы с Вовкой любим друг друга и решили пожениться. Вовка родом издалека, так что жить будет с нами, в моей комнате...

— Рад знакомству, — Вова глянул на будущих тещу с тестем.

Те тут же согласились с решением молодых... Посмотрела бы я на того, кто в чем-то не согласиться с Вовой.

Когда мы с Диной познакомили наших мужей, то они быстро нашли общий язык. Вскоре мы начали дружить семьями...

Когда я поднялась на десятый этаж, то дверь Динкиной квартиры уже была гостеприимно распахнута, а в проеме стоял двухметровый мужик с мощной мускулатурой профессионального борца.

— Мать, — прогудел он, — что-то ты не по сезону одета.

Глава 5

— Привет, Вова, — пролепетала я, чувствуя, как от одного его спокойного, могучего вида по телу разливается щемящее ощущение безопасности.

Здесь, за этой дверью, меня не вышвырнут. Здесь меня поймут. Помогут.

— Да заходи ты скорее, замерзла же вся! — пропустил он меня перед собой, да еще легонько подтолкнул внутрь своей лапищей размером с небольшую сковородку. В квартире пахло жареной картошкой и чем-то домашним, уютным. — Чего у тебя стряслось-то? С Серегой, что ли, зацепились?

В прихожей, за спиной мужа, появилась Дина. Увидев мое распухшее от слез лицо, ее обычная улыбка мгновенно испарилась, уступив место тревоге и гневу.

— Анька? Божечки, да на тебе лица нет! Что случилось?

И тут меня прорвало. Все эмоции вырвались наружу громким, надрывным, душераздирающим ревом. Я просто стояла посреди их прихожей, трясаясь в мелкой дрожи, и редела:

— У Серegi... любовницы! — наконец выдохнула.

Слезы лились горячим, соленым потоком. Я даже сама не ожидала, что могу так плакать...

Подруга кинулась ко мне, обняла и прижала к себе. А Вова, нахмутив брови, недоуменно переспросил своим басом, в котором звучала неподдельная растерянность:

— Несколько, что ли? Одновременно?

Я быстро закивала головой, размазывая тушь с ресниц и сопли по футболке подруги.

Родителей Дины, слава богу, не было дома: были на работе. Супруги Корбут увели меня в свою комнату — небольшое, но невероятно уютное пространство, с работающей гирляндой-завесой на всю стену с окном.

— Малыш, — Дина усадила меня на их большой диван, застеленный пледом с оленями, и обернулась к мужу, который стоял в дверях, заполняя их собой. — Завари Аньке чай покрепче, с мятой, успокаивающий. И принеси рулон бумажных полотенец, самый большой. Ей надо как следует прореветься. А то она сейчас соплями и слезами мне всю комнату вымажет.

— Ну тебя, — всхлипывала я, — у него... в ноуте... видео с бабами-и-и-и! С разными! Десяток, Вова! Я открыла, а там... он... они... — я снова зашлась в рыданиях, не в силах подобрать слов для того ужаса, что я увидела.

— Мудак, — сердито, но с какой-то даже философской, обреченной простотой выдохнул Вова.

В его голосе прозвучало не просто осуждение, а какая-то древняя, мужицкая уверенность в том, что так поступать негоже. Он тяжелой, уверенной походкой отправился на кухню выполнять указание супруги.

Пока он хлопотал с чайником, я, захлебываясь, сбиваясь и постоянно прерываясь на рыдания и сморкания, выложила

все. Весь изменщицкий кошмар сегодняшнего дня: как я решила прибраться, как открыла ноутбук, как увидела открытые видео неверного супруга.

Рассказала, как он вошел, такой довольный, как кричала на него, как он швырнул мне в лицо тряпку. Я дословно пересказала его чудовищные фразы про «место на кухне», про «ухоженных дам», которые «умеют делать мужчине приятно». И, наконец, как он, с силой, с которой раньше меня только сжимал в объятиях, вышвырнул меня, полуодетую, на холодную лестничную площадку и захлопнул дверь.

Дина слушала не перебивая. Ее лицо становилось все мрачнее и суровее. Она не проронила ни слова, а лишь сжимала и разжимала кулаки, и время от времени сквозь стиснутые зубы вырывалось ее злое шипение:

— Тварь... Скотина блудливая... Ему нужно оторвать яйца!

Вернувшийся с подносом, где стоял чайник, три кружки и мед, Вова слушал мой рассказ, стоя у стола и скрестив на груди мощные руки. Его лицо было каменным, непроницаемым, но в глазах, этих обычно таких спокойных и теплых глазах, я увидела настоящую бурю — гнев, презрение, а может быть, и жалость ко мне. Когда я, наконец, замолчала, иссякла, в комнате повисла тяжелая, густая пауза, нарушаемая лишь моими всхлипами.

— Ключ, — вдруг вспомнила я, глотая горячий, обжигающий чай с мятой, — Дин, ты не посеяла ключ от моей квар-

тиры? Я тебе его оставляла летом, чтобы цветы поливала, пока мы с Серегой на море были.

Дина хлопнула себя по лбу и рванула к комоду. Порывшись в верхнем ящике, где царил творческий хаос из заколок, расчесок, косметики и прочей мелочевки, она извлекла ключ с розовым брелоком-сердечком, который я купила на каком-то курорте.

— Вот он, родимый! Как будем действовать?

Вова подошел к жене, и его большая рука перехватила ключ у Дины. Он сжал металл в кулаке, словно это было какое-то оружие, и его лицо приняло решительное, командирское выражение. Спортивная и военная выучка дали о себе знать, проявившись в желании восстановить справедливость.

— Жена, — сказал он твердо, его голос прозвучал как приказ, но приказ, за которым стояла забота. — Выдай Анютке теплые портки, носки и обувь. Обеспечь курткой и шапкой.

Он оглядел меня, и в его глазах я увидела не сочувствие или жалость, а непоколебимую, каменную уверенность в том, что он все делает правильно.

— Одевайтесь и за мной. Обе, — сам он направился в прихожую, и уже оттуда донесся его гневный голос, — сейчас я этого скунса из норы вышвыривать буду.

Глава 6

Вова шагал через двор широким, уверенным шагом, а мы с Диной семенили за ним следом, стараясь не отставать.

Вовка мне нравился... Не как мужчина, которого бы я хотела заполучить, а как человек. Хотя и мужчина из него отличный... Но я свято любила своего Сережу. Идиотка наивная.

Муж Дины был родом из маленького сибирского городка. С детства занимался вольной борьбой и занимал призовые места на различных соревнованиях. Потом пошел в армию, позже по контракту в горячую точку... Когда возвращался, летел через Москву. Пересадку нужно было ждать двенадцать часов, и парень решил посмотреть на Красную площадь... Тогда тоже стояла зима, и на главной площади страны залили каток.

Дина в то время решила научиться ездить на коньках и отправилась в центр.

Вова любил хоккей и хорошо катался на стальных лезвиях коньков. Взял пару самого большого размера в аренду и покатился, любуясь на сияющий ГУМ и мавзолей вождя мирового пролетариата. Тут-то Дина ему под ноги и шлепнулась в сороковой раз за последние полчаса. Только благодаря спортивной и военной реакции суровый великан не наехал на девушку.

Легко поднял одной рукой за воротник, поставил на ноги и спину ей отряхнул. Та тоже в долгу не осталась. Посмотрела снизу вверх своими веселыми глазами и выдала:

— Спасибо тебе, добрый человек. Дай бог тебе здоровья и жену богатую!

Потом Вова учил ее кататься на коньках, сводил в кафе на горячий чай с блинчиками, взял номер телефона и улетел в Сибирь... Родителей навестить, показаться после горячей точки: что жив-здоров, и что все конечности на месте. Да и по старшим, уже женатым, братьям соскучился. И младшая сестренка ждала Вовку.

Свою семью Вовка очень любил и уважал. Часто повторял: — Дед с бабушкой, прадед с прабабушкой, мать с отцом... всю жизнь все живут душа в душу. Не было у нас измен и разводов. Семья — это святое! Мы с Динкой тоже до деревянного бушлата вместе небо коптить станем.

А Дина даже не надеялась, что новый знакомый ей перезвонит. Где Сибирь, и где Москва?!

Но через неделю на ее мобильник пришло сообщение: «Вернулся в Москву. Нашел работу охранником с проживанием. Давай жениться!»

Две недели они провстречались, чтобы лучше узнать друг друга, а потом Дина привела жениха домой. То-то ее мама с папой прифигели... Но возражать не стали. Немного пугал их здоровенный зять.

При более близком знакомстве выяснилось, что Вова доб-

рый и справедливый мужик... Правда, иногда уточнял, что «Доброта хороша с кулаками».

Свадьбу в Москве сыграли тихо, потом дружно полетели в Сибирь. Там гульба шла три дня. Семьи друг другу понравились. Потом москвичи вернулись к себе, а Дина заставила мужа сменить работу:

— Ты мне живой нужен!

— На хорошую должность с моей биографией не возьмут, — возразил Вова, — высшее образование надо.

— Так поступай в юридический на заочное, — пожала плечами молодая жена, — а с работой папа поможет.

Так и поступили. Вовку пристроили в таможенники аэропорта Шереметьево, а дважды в год прежний борец уходил на учебную сессию. Сейчас на третьем курсе учился...

Мы подошли к моему подъезду, и Вова приложил таблетку-ключ к домофону.

Пока поднимались на лифте, он инструктировал нас:

— Держитесь за моей спиной, вперед не суйтесь. Зайдете, когда я позову.

— А не жалко тебе своего приятеля? — на всякий случай уточнила я. — Как же мужская солидарность?

— Он предал свою семью, — твердо произнес Вова, — значит, и друга запросто предаст. Я бы таких друзей за хобот да в музей.

Дина с восхищением глазела на супруга, но все же посчитала нужным предупредить:

— Малыш, только давай без тяжких телесных... А то заберут тебя в тюрьму. Я же не переживу!

Вова своей лапищей обнял жену и прижал к себе:

— Не бойсь, зая. Я его не сильно убью. Только напугаю. Главное — вы мои команды выполняйте! Поняли?

Мы дружно кивнули, а лифт добрался до моего этажа. Прежде чем створки разъехались, Вова приложил палец к губам и прошипел:

— Ш-ш-ш.

Мы снова кивнули и на цыпочках вышли на площадку. Подкрались к моей двери и прислушались. Из квартиры раздавался гул телевизора. Вова жестами показал, чтобы мы отошли, а сам сунул ключ в замок, быстро провернул его и распахнул дверь, делая стремительный шаг в прихожую.

Мы с Диной замерли на лестничной клетке и молча таращили глазенки, в предвкушении мести. Ждать не пришлось.

Из зала в прихожую выскочил Сергей, все еще в рабочем костюме и с куском хлеба в руке... Гад: меня выгнал, а сам уселся в зале перед телеком жрать мой рассольник!

Не знаю, что он ожидал увидеть, но его физиономия, когда глаза уперлись в грудь Вовы, удивленно вытянулась.

Не дожидаясь адекватной реакции противника, великан одной рукой схватил моего муженька за лацканы пиджака и стянул их, легко подняв изменника над полом. Хлеб выпал из ослабевшей руки...

— Вовка, брат, — залепетал Сергей, — ты чего?! Отпу-

сти!

— Не брат ты мне, гнида... — тут Вова примолк, осознав, что продолжение известной фразы Сергея Бодрова тут неуместно. Но добавил, чтобы не оставлять мысль недосказанной, — поганая.

С этими словами он прижал моего мужа спиной к стене и, пока тот смешно дрыгал ногами, скомандовал:

— Девушки, пройдите в квартиру. Аня, ищи в его вещах ключи от квартиры... От машины оставь. Ксерокопия его паспорта есть? Тогда сфотай все страницы на мобильник... На свой... Его мобильник разбивать не нужно... Хотя можно. Дина, выкинь в коридор верхнюю одежду и обувь этого утырка...

— Вова, — возразила подруга, — он Аньку в шортах и тапках за порог выставил.

— Хорошо, — покладисто согласился великан и слегка стукнул Сергея ошарашенным телом о стену, чтобы тот поменьше дергался, — не выкидывай.

Я закончила фоткать страницы паспорта мужа на свой телефон и спросила:

— Можно, я его порву?

— Нельзя, — отрезал Вова, — порча документов карается законом. Данные тебе нужны, чтобы заявление на развод подать.

Я замерла... Никогда еще в отношении моего брака не звучало это страшное слово «развод». Я его даже в мыслях

не допускала. А Вова уже занялся его организацией. Какие же у меня друзья хорошие! И надежные! Не то что муж.

— А куда его? — немного растерянно спросила я.

— Выкинь в подъезд.

Я швырнула документ на лестничную площадку. Туда же полетели ключи от машины и рабочая сумка Сергея.

— А ноут выкидывать? — с хулиганским интересом спросила Дина.

— Да, зая, — кивнул Вова, — но не в подъезд, а с балкона.

Тут Сергей немного пришел в себя и заголосил:

— Да вы сдурели! Там же документы, файлы...

— И твои бляди! — крикнула я. — Вова, милый, вышвырни эту сволочь из моей квартиры!

— Есть, — отчеканил великан и в прямом смысле слова выкинул Серегу в подъезд.

Тот шмякнулся на пол, больно ударившись. Намного больнее, чем я, когда он меня вытолкнул.

— Свое барахло иди собирать под балкон, — уперев руки в бока, сказала я, — о дате развода сообщу позже.

Вова захлопнул дверь и запер замок. Из подъезда донесся крик:

— Суки, ботинки хоть отдайте!

— В тапках не так уж и холодно, — крикнула я и громко добавила, — Дина, Вова, идемте радовать соседей водопадом из шмоток блядуна!

Глава 7

Я стояла одетая на балконе и вышвыривала на снег вещи мужа. Они летели с восьмого этажа и плюхались в серый московский снег, пропитанный реагентами. Рубашки размазывали рукавами и планировали в черную жидкую грязь дороги... Тяжелые вещи падали быстро и утрачивали свою целостность. Ноутбуку особенно не повезло. Серега, конечно, очень хотел его спасти и носился в тапочках внизу, всяко-разно обзывая меня, но сам едва увернулся от летящего в него гаджета.

Я тоже активно выдавала дворовым зевакам суть конфликта, называя мужа кобелем, изменщиком и блядуном. Зрителей у нас хватало: с детской площадки подтянулись мамочки с малышами в колясках, идущие с работы соседи тормозили и глазели на халявное шоу. Самые ленивые просто утеплились и выбрались на балконы.

Дина с Вовой приносили мне вещи Сереги из комнат, словно тыловые бойцы снаряды стрелку. Мне оставалось только кидать... Я даже чуть свой дорогой шампунь не выкинула, когда дело дошло до туалетных принадлежностей. Вовка протянул мне рыльно-мыльные флакончики и доложил: — Вроде пацанские.

Я мельком глянула: триммер, мужской шампунь, пена для бритья, гель после бритья... Я начала запускать этим добром

в Серегу и лишь в последний миг увидела, что заносу руку со своим шампунем. Протянула обратно Вовке:

— Это мое.

— Сорян, — хмыкнул великан и сунул мне в руку синюю мочалку, — держи. Розовую я не стал брать.

Я повернулась ко двору и запустила мочалку:

— Отмывай своих хламидий!

Когда мы выкинули все, что нашли, я захлопнула балконную дверь, задернула тюль и уселась на кресло пригорюнившись:

— Вот и все... А дальше-то мне что делать?

Я растерянно смотрела на друзей. Адреналин первого за- пала отпускал... Но Вовка и тут не растерялся:

— Снимаем куртки. Дина, идешь на кухню и готовишь ужин. Аня, включай комп, будем заявление на развод оформлять.

— Как у тебя все быстро, — поежилась я, — даже страшно.

Вова присел на корточки напротив меня, заглянул в глаза и уверенно произнес:

— Больной зуб надо вырывать быстро, а не медленно тянуть. Одни страдания получатся... Вам завтра где работать?

— На Бабушкинской, — вместо меня ответила Дина, — один салон посчитать. Но там надолго: у них всегда бардак на складе и пересортицы много. Косячники. Их даже штрафовали. Но они тупые...

— Самый крутой отзыв о сотрудниках розницы, — хихикнула я и поднялась из кресла, чтобы повесить куртку в прихожей.

Я нажала кнопку включения системного блока и стала ждать, пока он загрузится.

Прошедший огонь и воду Вова продолжал наставлять меня:

— Самое поганое будет вечером. Ты останешься одна и осознаешь всю ситуацию. Захочешь реветь... Ревн. А хочешь, я Динку тебе оставляю... Мне на смену в пять утра ехать, а вам один фиг вместе на работу.

— Я останусь, — крикнула с кухни Дина, — Аньк, чего на ужин хомячить желаешь?

— Не знаю... Аппетита нет.

— Тогда на мое усмотрение, — донесся голос подруги, а потом загремели кастрюли.

Мы с Вовой сели за комп и стали разбираться в доселе невиданном документе — заявлении на развод...

Как и сказал Вова, после того как пришло время спать, на меня напала тоска. Еще днем Дина сбегала домой и принесла себе вещи на завтра. Вова ушел после ужина, оставив инструкции на случай, если Сергей вернется и начнет ломиться в квартиру... В выражениях великан не стеснялся:

— Если этот мудака появится и будет дверь ломать — сразу 102. А потом мне звони. Я с дежурной частью свои связи имею, они ментов подгонят быстрее. Скажешь, что Серый

психопат и с ножом. Пусть посидит в обезьяннике, подумает над своим поведением.

Дина спала со мной. Я сменила постельное белье, чтобы не было ни единого намека на запах мужа: парфюмированный аромат самовлюбленного пижона, который теперь вызывал у меня лишь рвотный рефлекс.

Я лежала и редела в подушку, а подруга меня утешала, похлопывая по спине и подсовывая целые стопки бумажных салфеток, захваченных с кухни.

— Все, Ань, молодец, выплесни его, сволочугу, вместе со слезами, — приговаривала она. — Представляй, как он сейчас в своих вонючих тапках по грязи шлепает, ищет свой разбитый ноут. Мороженое хочешь? Могу сбегать.

Я лишь мотала головой, давясь слезами и смехом одновременно. Подруга-приколистка была лучшим антидепрессантом.

Естественно, уснули мы поздно и проснулись, не выспавшись, по будильнику. Дина встала с нормальным лицом, а я с опухшими глазами, напоминающими две щелочки для монет. Дина, взглянув на мое лицо, фыркнула:

— О, Мэй-Линь, привет! — и, увидев мое непонимание, пояснила: — Ты китайский пчеловод... Иди, умойся холодной водой, мокрое полотенце к глазам прикладывай. Я пока яичницу сварганю. Тебе с колбасой?

Я поплелась в ванную, чувствуя себя разбитой не только морально, но и физически. Голова гудела, веки наливались

свинцом. Холодная вода и патчи, подаренные когда-то Диной, немного привели меня в чувство и слегка приличный вид.

Когда я вышла, подруга уже дежурила у сковороды, на которой весело шипели яйца с колбасой, и ворковала с мужем по телефону.

— Да, малыш, мы уже поднялись... Не, не приходил... И не звонил... На то он и мудака... Ага, ревела... Хорошего дня... Ладно, малыш, не отвлекаю. Я тут поваром работаю... Целую!

Она положила трубку и ловко перевернула яичницу.

— Вовка передает привет и спрашивает, не ломился ли тут кто ночью, — сообщила она. — Хороший он у меня. Тебе бы такого, а не этого... — она замялась, подбирая цензурное слово.

— Блядуна? — подсказала я, наливая себе чай.

— Точно! — Дина широко улыбнулась. — Приятно иметь дело с интеллигентной дамой.

Позавтракав и собравшись, мы отправились к метро, чтобы ехать на Бабушкинскую и наводить шорох в салоне с непутевыми сотрудниками. Я шла, и декабрьский мороз обжигал лицо, но внутри уже не было той ледяной пустоты. Был гнев. А он куда продуктивнее отчаяния.

Глава 8

Ровно в девять мы зашли в салон, представились и принялись за работу... На двери висела табличка «Учет», а сотрудники, двое юных раздолбаев в мятых рубашках, валяли дурака, уткнувшись в телефоны, вместо того чтобы помочь нам. Старший продавец, как выяснилось, был на больничном с подозрением на свиной грипп, что в контексте общего бардака выглядело весьма символично.

Дина была права: такого хаоса на складе я еще не видела за свою недолгую карьеру ревизора. Это было не складское помещение, а наглядное пособие по теории хаоса. Пустые и полные коробки от телефонов были свалены вперемешку, образуя хлипкие пирамиды, готовые рухнуть на первого неосторожного посетителя. Аксессуары: чехлы, наушники, зарядки, брелоки — лежали кучей в огромных мусорных пакетах, словно это был не товар, а отходы производства. Сим-карты были разбросаны по полкам, и мне показалось, что одна из них даже прилипла к стене... Как позже оказалось, на жвачку прилепили: так они отложили симку с «красивым» номером. Дебилы...

— Ребята, — попыталась я обратиться к персоналу, — у вас есть понимание о порядке? Хотя бы приблизительное?

Один из них, тот, что потоньше, не отрываясь от экрана, буркнул:

— За этим Серега следит. А он на больничном.

У меня в глазах потемнело. «Серега». Точно такое же имя, как у моего мужа. Видимо, все Сереги — козлы универсальные.

— А тряпки для уборки у вас есть? — не сдавалась я. — Грязь на складе, все в пыли.

— Не-а, — ответил второй, толстый и веснушчатый. — Серый расходники все время забывает заказать. Мы не убираемся. Мы не бабы, чтобы тряпками махать.

Дина, стоя за моей спиной, тихо прошипела: «Щас я им устрою баб. Настучу в бубен...»

Мы провели в этом аду почти восемь часов: разбирали завалы, сортировали, пересчитывали. Работали молча, экономя силы. Лишь изредка Дина выдавала перлы:

— Ань, смотри, тут под коробкой с Самсунгами целое гнездо из симок! Они по ходу почкованием размножаются! Пять лишних. Признавайтесь, иждивенцы торгового мира, кому пустые упаковки впарили?

Или:

— О, а это что за зверь? — она держала в руках древний, пыльный кнопочный телефон, что удалось откопать под смятыми чехлами в очередном пакете. — Кажется, он сюда из нулевых телепортировался. Мы такие давно не продаем! Признавайтесь, кто на работу артефакт приволок?

Оболтусы тарасили глаза и инфантильно пожимали плечами.

К пяти вечера мы выползли оттуда, заляпанные пылью и похожие на побежденных, но не сломленных солдат. Из-за того, что я все восемь часов активно сердилась на нерадивых сотрудников и была сконцентрирована на работе, у меня просто не оставалось времени на грусть. Адреналин ярости — отличное лекарство от сердечной тоски. За это спасибо обоим балбесам и их свиногриппозному старшему.

Вечером предстояло потратить еще часа два на отчет по этому безобразию. На этой неделе составлять их была моя очередь. Дина из дружеских побуждений и уважения к моему семейному горю предложила взять на себя этот кошмар.

— Ань, давай я сделаю, — сказала она, когда мы спускались в метро. — Ты и так сегодня молодцом держалась.

— Не-а, — я упрямо мотнула головой, пробиваясь через толпу. — Мне лучше быть занятой. Пока я что-то делаю, я не думаю. А как только я перестаю двигаться... — я недоговорила, но Дина поняла.

В метро было шумно и не до разговоров. Мы торчали в телефонах, я листала ленту соцсетей, бесцельно и тоскливо. Рука сама потянулась зайти в мессенджер, написать ему... Старая привычка: «Как ты? Где ты?»

Я с силой выдохнула и убрала телефон. Серега мне больше не муж. Он — проблема, которую нужно решать через развод. Как же хорошо, что я его у себя не прописала. Права была мама.

Блин, мама... Мне еще нужно родителям сообщить о

происшедшем. Сделаю это позже, когда мои эмоции слегка остынут. Завтра. Или на выходных. Завтра последний рабочий день, а потом суббота. Поеду к родителям и лично сообщу им о разводе... Заодно всем свои видом покажу, что я в норме... Я еще долго не забуду горечь предательства, но холить и лелеять это чувство я не собираюсь. Прав Вова — больной зуб надо вырывать резко!

Когда мы вышли из метро и направились к своим домом, Дина предложила:

— Аньк, я могу снова у тебя остаться. Вова на сутках, только завтра утром придет... Только мне нужно домой заскочить, родителям показаться-поклониться.

— Давай, — быстро согласилась я, поймав себя на том, что мысль об одиноком вечере с ужином и слезами в пустой квартире меня не прельщает. — Тогда испечешь тортик, пока я буду отчет клепать. Будем жрать сладенькое, чтобы я не горевала. И комедию какую-нибудь посмотрим. Поржем.

— Уговорила! — оживилась Дина. — Сделаю «Сметаник» со сгущенкой. От него еще ни одна женщина в депрессию не впадала. А может, стриптизера вызовем?

— Ну тебя, — хохотнула я.

На том и сошлись. Дина сходила домой, взяла смену вещей, объяснила родителям ситуацию и вернулась ко мне с пакетом ингредиентов для торта и своим лихим настроением. Я сидела за компом, пытаюсь вникнуть в цифры и составить вменяемый отчет из того цирка, что мы увидели в сало-

не. Дина хозяйничала на кухне, напевая какую-то бессмысленную песенку и гремя посудой.

От Сереги не было ни звонков, ни сообщений. Тишина. Да и зачем? Он прекрасно знал, что виноват по всем статьям. А возможно, уже пристроился под крылышком у одной из своих «Алина Пежо» или «Марина Рено»... Меня даже перердернуло от этих мыслей. Нет, лучше я буду думать об отчете. О безалаберных сотрудниках. О чем угодно, только не о муже-козле.

Вечер прошел на удивление весело и по-девичьи. Мы слопали добрую половину торта, который таял во рту и действительно поднимал настроение, поржали над старой комедией, цитируя любимые фразы, и легли спать.

Я больше не ревела. Отплакалась в первые сутки и теперь понимала, что хорошо, что не стала держать слезы в себе. Говорят, от сдерживаемых эмоций всякие страшные болезни появляются. Пусть уж лучше они выходят наружу, как демоны из одержимых в плохих ужастиках.

«Лучше пусть у Сереги всякие болячки вылезут из-за походов на сторону, — с коварной ухмылкой подумала я, засыпая под ровное дыхание Дины. — А я, пожалуй, схожу к гинекологу и сдам анализы на все ЗППП. На всякий пожарный. Чтобы быть уверенной, что от рухнувшего брака у меня осталось заразных сюрпризов».

Эта мысль, такая практичная и отрезвляющая, стала моим последним осознанным воспоминанием перед тем, как я

провалилась в сон. Не сладкий, не горький, а просто сон, который был так необходим, чтобы жить дальше.

Глава 9

Пятница встретила нас с Диной не просто суровым московским рассветом, а каким-то особенно издевательским: с противным морозящим ледяным дождем, который тут же замерзал на асфальте. Необходимость встать на два часа раньше обычного ощущалась как личное оскорбление. А вишенкой на этом торте утренних унижений была Электросталь. Не самая дальняя подмосковная поездка, но все равно: метро в час пик, где тебя сплющат как камбалу, потом электричка, и к девяти утра необходимо быть на месте с ясной головой и готовностью к профессиональному бою.

— Ты только, ради всего святого, не засыпай в электричке, — бубнила Дина, с трудом натягивая свои новые узкие джинсы, купленные со скидкой. — А то проедем нашу остановку и очутимся прямиком во Владимире. Будешь потом Вовке объяснять, как так вышло, что две взрослые тетki продрыхли свою станцию.

— Постараюсь, — зевнула я в ответ, чувствуя, как веки наливаются свинцом и предательски слипаются, — значит, ты будешь спать в дороге, а я бдить... Справедливо, блин.

Ночь была тревожной, с обрывками снов, где Сергей в идеальном костюме, но в домашних тапочках, бегал за разбитым ноутбуком по гигантским лужам из моего рассольника... Бред полный. Но мозгу не прикажешь генерировать сны

по заказу, а жаль.

Ревизия в Электростали к нашему несказанному удовольствию, прошла как по маслу. Сотрудники в салоне оказались не балбесами, отрабатывающими зарплату просиживая штаны, а адекватными, приятными в общении ребятами, которые знали, что порядок в салоне — лучший друг ежемесячной премии. В десять утра они по собственной инициативе деликатно прервали нашу работу и пригласили к столу в подсобку. Налили вкусного чаю и выставили пару тарелок с бутербродами: бородинский хлеб, докторская колбаса и сыр. Просто и сытно.

— Умнички, — с набитым ртом прошептала мне Дина, — хороший ревизор — сытый ревизор. Это они, наверное, на каком-то сайте для идеальных продавцов подсмотрели? Красавчики.

Я лишь блаженно кивнула, с наслаждением делая глоток крепкого чая. При таком человеческом, неформальном подходе и мы платили той же монетой. Мы указали на три неправильных ценника, ребята их тут же, не споря и не оправдываясь, поменяли, а мы в итоговом отчете эти мелочи решили великодушно не фиксировать. Зачем зря портить людям жизнь? Каждый косяк — это прямой штраф старшему, а он, судя по всему, парень неплохой. Свой небольшой коллектив в ежовых рукавицах держит, порядок и дисциплина.

К часу дня, закончив все пересчеты и попрощавшись с гостеприимными сотрудниками, мы побрели на вокзал. Обрат-

ная электричка была почти пустой, что было редкой удачей. Мы устроились у окна в теплом вагоне и молча смотрели на мелькающие за ним унылые промзоны и заснеженные дачные поселки, постепенно сменяющиеся спальными районами Москвы.

— Ну что, какие планы на вечер? — нарушила молчание Дина.

— Планы грандиозные, — с сарказмом выдохнула я. — Приеду домой, пообедаю и пойду в платную клинику. Сдавать анализы на венерический букет, который мой «любящий» муж мог мне подарить в качестве прощального презента.

— А деньги с него за это страсти не хочешь? — деловито поинтересовалась подруга. — Обследование недешево выйдет. Вова поможет выбить с Сереги финансы. Он умеет убеждать несговорчивых.

— Я подумаю, — уклончиво ответила я, глядя в окно.

Мысль о том, чтобы снова видеть Сергея, даже ради денег и даже в присутствии двухметрового Вовы, вызывала у меня приступ отвращения. — Завтра суббота, поеду к родителям. Буду рассказывать, что их образцовый зять оказался тем еще экземпляр. И отправлю ему, гаду, сообщение о дате развода. Заявление, кстати, одобрили, пришло уведомление.

— Ясно, — кивнула Дина, — а мы на выходных запланировали полный релакс: диван, одеяло и сериалы. У Вовки два дня отдыха с моими совпадают, и я его всю субботу и

воскресенье буду баловать своей любовью и вниманием.

Добравшись до своего двора, мы разошлись по домам. Я поднялась в квартиру, скинула куртку и сапоги и с тоской поняла, что холодильник пустует. Только оставшаяся треть вчерашнего торта одиноко стоит на средней полке. Ничего путевого и питательного мы вчера не готовили. Я последние яйца и сосиски ушли на утреннюю яичницу.

— Одни убытки, — с горькой иронией пробормотала я, доедая сладкий, но уже приевшийся торт и запивая его чаем.

После клиники зайду в супермаркет и затарюсь продуктами, а то перед холодильником стыдно. Хозяйка называется...

Выбранная мной платная клиника была в десяти минутах неспешной ходьбы от дома. Чисто и современно. Все анализы можно сдать в одном месте: и кровь, и УЗИ, и гинеколог штатный для взятия мазков имеется.

Когда я на приеме у врача, молодой и симпатичной женщины, коротко и без эмоций объяснила причину своего визита: «муж систематически изменял, нужна полная, развернутая проверка на все ЗППП», — она с профессиональным, но искренним сочувствием покачала головой.

— Понимаю... Не переживайте, мы все проверим. Результаты будут готовы через пару дней.

Сдав все, что от меня требовалось, и чувствуя себя немного опустошенной и униженной всей этой ситуацией, я вышла на улицу. С неба начал падать густой, мокрый, по-настоя-

щему зимний снег, медленно и методично застилая серый, грязный асфальт белым, пока еще чистым, покрывалом. Какие же мерзкие московские зимы...

Я натянула капюшон до бровей и, опустив голову, побрела в супермаркет. Популярный сетевой магазин располагался в соседнем дворе от моего дома.

Затарившись продуктами на неделю вперед: от макарон и гречки до йогуртов и заморозки, я с пятью пакетами, оттягивающими руки до онемения, поплелась к своему подъезду.

Поднявшись на первую лестничную площадку, я поставила пакеты на бетонный пол и нажала кнопку вызова лифта. Тут мой взгляд привлекло движение между первым и вторым этажами...

От увиденной картины сердце болезненно сжалось.

Глава 10

У батареи, прижавшись к ее теплым чугунным ребрам, сидел, свернувшись калачиком, маленький мальчик в старой, явно не по размеру большой и грязной куртке. Он грел о горячий металл свои красные ладошки. Глядя на эту унылую картину, я даже забыла о собственных проблемах.

Я прекрасно знала, кто это. На первом этаже жила... ну, скажем так, неблагополучная дамочка. Ее крики и матерщина, регулярно гремели на весь подъезд. А еще она постоянно таскала в дом разных сомнительных, вечно нетрезвых мужчин, а ее сынишка часто оказывался за дверью, как лишняя, мешающая вещь.

Мальчуган этой осенью, в сентябре, пошел в первый класс. Я иногда видела его в подъезде с новеньким, вероятно, купленным кем-то из соцслужб, рюкзаком и тетрадками. Однажды, пару месяцев назад, я, набравшись смелости, решилась с ним заговорить, предложить помощь, накормить...

Но он тогда взглянул на меня снизу вверх, как сердитый волчонок, и бросил сквозь стиснутые зубы, отводя глаза:

— Я не бомж... просто у мамки опять гости. Она велела не мешать.

Мои материнские инстинкты, обостренные нереализованным желанием иметь своего ребенка, в тот вечер заставили меня завести серьезный разговор с Сергеем. Я надеялась на

его поддержку, на каплю человечности.

— Сереж, послушай, может, мы как-то поможем парнишке с первого этажа? — робко начала я, когда мы ужинали. — Он же совсем пропадает. Или в органы опеки анонимно сообщим? Или сами что-то купим... Одежду новую, фруктов, нормальной еды. В школе таких детей всегда чморят... Потом из них маньяки вырастают.

Сергей тогда посмотрел на меня с безгловым сожалением:

— Если в опеку наябедничаешь, пацана в интернат заберут. А там, поверь мне, намного хуже, чем с его бухающей мамашей. Там его старшие прессовать будут. Ты хочешь, чтобы его били?

— А если ее собутельники с ним что-нибудь сделают? — не унималась я, чувствуя, — страшное... Изнасилуют или избьют...

— Тогда их посадят, — отмахнулся муж, утыкаясь в экран телевизора, где загорелые полуголые знаменитости пытались выжить на необитаемом острове. — Не твоя забота, Ань. Хватит выдумывать.

— Тогда я буду его к нам иногда на ужин звать, — заявила я с внезапной, отчаянной решимостью. — Хоть поест нормально.

— Ну уж нет! — Сергей аж подпрыгнул на диване от возмущения. — Еще малолетних бомжей мне за столом не хватало! У него, небось, и вши, и глисты, и чесотка имеются.

Даже не вздумай его в дом тащить! Поняла?

Этот разговор, его тон, его слова прозвучали для меня тогда, как окончательный приговор. Приговор на отсутствие сострадания в нашей семье.

И сейчас, стоя у лифта и глядя на этого мальчика, я наблюдала за ним. Он сидел, поджав под себя ноги, вжимаясь в батарею, и тоже бросал на меня короткие, осторожные взгляды. Чего ожидать тетки с пакетами, которая остановилась и таращится на него...

И тут слова сорвались с моих губ сами, неожиданно и спонтанно даже для меня самой:
— Поможешь мне до квартиры пакеты дотащить? Я очень устала.

Мальчишка медленно, недоверчиво поднял голову. Его лицо было бледным и худым, а глаза большими и выразительными для такого маленького, испуганного личика.

— А ты мне хлеба дашь? — тихо и спокойно спросил он.
— Я только утром в школе кашу ел.

От этой простой, страшной в своей будничности фразы у меня внутри все перевернулось и заняло тупой, бессильной болью.

— Да я вообще тебя накормлю, — как можно мягче и добрее улыбнулась я, чувствуя, как эта улыбка получается немного кривой и вымученной. — Только сначала разберу продукты и что-нибудь приготовлю. Обещаю.

Мальчик, не говоря больше ни слова, молча поднялся на ноги и спустился ко мне. Я указала ему на два самых объ-

емных, но относительно легких пакета: с хлопьями, пачками чая, зеленью и печеньем. В этот момент с глухим гулом подошел лифт. Мы подхватили пакеты и вошли в кабину.

Пока ехали на восьмой этаж, я спросила:

— Тебя как зовут-то?

Я, конечно, знала его имя. Соседи говорили. Но нужно было с чего-то начать беседу.

— Артём, — негромко, но внятно ответил он и шмыгнул чумазым, покрасневшим от холода носом. — Тёма. А тебя? Я знаю, с какой ты квартиры, а как звать, не знаю.

— Я Аня.

Больше я не знала, о чем говорить. Лифт остановился, и я, выйдя первой, открыла ключом дверь и зашла в прихожую. Тёма аккуратно поставил оба пакета на пол у порога и молча развернулся, начав спускаться по ступенькам.

— Эй, — я выскочила из квартиры на площадку, — ты куда это?

— Возле батареи подожду, пока ты еду приготовишь, — совершенно серьезно, без тени обиды или упрека, ответил он и указал пальчиком с обкусанным ногтем на ту самую батарею, у которой я сама сидела всего пару дней назад.

— Еще чего! — возмутилась я. — Ты мне так помог, покупки донес. Заходи. Пока я буду готовить, сделаю тебе бутербродов с чаем. Садись на кухне.

Он зашел, осторожно, крадучись, как дикий, никогда не видевший ласки зверек. Снял свои потрепанные, мокрые бо-

тиночки и грязную куртку, под которой оказалась тонкая, потерянная кофтенка. Я отправила его мыть руки с мылом:

— На два раза. И хорошо потри между пальцами!

И выдала одно из полотенец Сергея, которое мы пропустили при выкидывании. «Вот и пригодилось», — с горьковатым, странным удовлетворением подумала я.

Я показала Тёме, где и что лежит в ванной, и вернулась на кухню. Щелкнула кнопкой чайника и начала быстро рассовывать покупки по шкафам и в холодильник.

Когда мальчуган пришел на кухню, я уже нарезала бутерброды. Усевшись за стол, он оглядел мою опрятную кухню и вздохнул:

— Хорошо у тебя.

— Кушай, — я поставила перед ним тарелку с двумя бутерами и кружку горячего чая, — а я готовкой займусь.

— Спасибо, — впервые улыбнулся Тёма и впился зубами в первый кусок.

Я возилась с куриными ножками, которые решила поджарить, как вдруг мой гость задал вопрос:

— А чего ты мужа выгнала? Я видел, как ты вещи с балкона выкидывала. И он внизу бегал, матерился.

Вопрос застал меня врасплох. Как объяснить семилетнему ребенку всю грязную, пошлую подноготную взрослого предательства?

— Он оказался подлецом и предателем, — коротко ответила я.

Остальное можно поведать только матами, но при детях я не матерюсь. Хотя точно уверена, благодаря своей мамаше мальчуган знает больше ругательств, чем мы с Диной вместе взятые.

Тёма кивнул, как будто это было самое логичное и естественное объяснение. Он отпил чаю и произнес:

— Правильно сделала. Он козел. Месяц назад наорал на меня за то, что я внизу у батареи сижу... Сказал, что уши мне оборвет, если еще раз увидит. А я просто грелся...

Глава 11

Тёма доел бутерброды с такой тщательностью, словно это был не просто хлеб с колбасой, а какое-то невероятное лакомство. Каждую крошку он подобрал с тарелки пальцем, облизал его и только тогда допил чай. Я наблюдала за ним краем глаза, пока возилась с куриными ножками. В голове крутилась одна мысль: «Как же так? Как можно так обращаться с ребенком?!»

— Спасибо, — снова сказал он, на этот раз уже увереннее, и в его глазах появился крошечный огонек доверия.

— Всегда пожалуйста, — ответила я, и эти слова прозвучали как-то по-новому, по-воспитательски.

Не «у нас», а «у меня». Это была моя территория, и я устанавливала свои правила. И одно из правил: здесь можно найти еду и тепло.

— Хочешь, мультики посмотрим, пока я готовлю ужин?

Он кивнул, и его глазенки загорелись обычным детским любопытством. Я включила телевизор, нашла какой-то яркий, динамичный мультсериал про отважную рыжеволосую девицу-воительницу, сражающуюся со злом. Тёма устроился на диване, поджав под себя ноги, и уставился на экран, полностью погрузившись в вымышленный мир. Видимо, дома у него не было возможности спокойно посидеть перед телевизором... Если вообще он у них был.

Я посмотрела на него и почувствовала странное спокойствие. Эти полчаса домашнего уюта, прерываемые лишь звуками из телевизора и шипением курицы на сковороде, были каким-то лекарством. Они отвлекали от бесконечного жевания собственного горя. Оставив мальчугана смотреть мультфильм, я вернулась на кухню: надо еще вермишель отварить и салат из огурцов с помидорами нарезать. И заправить майонезом! Вкусно, питательно и просто.

Когда ужин был готов, я накрыла на стол и позвала Тёму. Он вошел и посмотрел на обычный ужин так, словно увидел нарядную Новогоднюю елку в июле...

Мы поели почти молча. Он снова кушал медленно и сосредоточенно, смакуя каждый кусочек, а я размышляла, как быть дальше.

После еды он помог мне убрать со стола: аккуратно отнес тарелки в раковину. Этот простой жест тронул меня до глубины души. Это было так мило, так по-семейному.

— Ладно, — вздохнул Тёма, посмотрев на часы, висевшие в прихожей, — мне пора. Мамка, наверное, уже проспалась...

Его слова прозвучали с такой взрослой, недетской обреченностью, что у меня снова сжалось сердце.

— Слушай, Тёма, — я присела перед ним на корточки, чтобы были на одном уровне. — Если там... если у вас снова «гости», и шумно, или ты боишься... Ты всегда можешь прийти ко мне. Постучись. Даже ночью. У меня есть место для гостя, и я тебе постелю. Понял?

Он посмотрел на меня своими большими глазами, будто проверяя, не обманываю ли я. Потом кивнул.

— Понял. Спасибо, тетя Аня.

— Просто Аня, — поправила я его. — Иди. И заходи, если что.

Он надел свою злосчастную куртку и ботиночки, еще раз кивнул мне и неспешно побрел к лифту. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. В квартире снова воцарилась тишина, но теперь она не была такой уж гнетущей. В ней остался легкий след его присутствия: смятая подушка на диване, пустая кружка на столе. И какое-то новое, незнакомое чувство ответственности.

Я легла спать с мыслью, что вот-вот раздастся тихий стук в дверь. Периодически просыпалась и тревожно прислушивалась. Но ночь прошла тихо. Слишком тихо. Тёма не вернулся. То ли у его мамы не было «гостей», то ли он решил, что не стоит мне мешать. Последнее заставило меня почувствовать легкий укол грусти.

Утро субботы началось с яркого зимнего солнца, бившего в глаза через окно, что я забыла зашторить вечером. Я встала с постели с решимостью выкинуть из своей жизни последние следы Сергея. Решила сделать генеральную уборку. Не ту, легкую, с пылесосом и тряпкой, а тотальную, с перетряхиванием всех углов!

В процессе наведения порядка я нашла остаточные признаки подлого изменника. Эти маленькие, назойливые де-

тальки нашего рухнувшего брака... Провод от зарядки его телефона, упавший за тумбочку. Одинокий носок, темно-синий, закатившийся за корзину для белья и благополучно там забытый. Запонка от его манжет, блестящая и холодная, под диваном. Каждая находка была как маленький укол. Не больно, но противно. Я собирала их и выбросила в мусорное ведро с чувством, будто вычищаю из дома инфекцию. Последним штрихом стала его новая кружка с логотипом Audi, что стояла на верхней полке кухонного шкафа и ждала, когда Серега заберет ее на работу. А не судьба!

Я занесла ее над мусорным ведром, секунду подержала в нерешительности, а потом с облегчением отпустила. Фарфор разбился о дно ведра с удовлетворительно громким хрустом.

— Так тебе и надо, подлец, — прошептала я, вынося пакет к мусоропроводу.

Вернувшись в чистую, проветренную квартиру, я набрала номер мамы.

— Анюта, родная! — обрадовалась она. — Как дела? Вы с Сергеем сегодня приедете?

— Приеду, мам, — сказала я, и голос мой прозвучал странно ровно. — Одна на обед приеду. Без Сергея. Я по вам очень соскучилась.

В трубке повисло напряженное молчание:

— Ань, все в порядке? Что-то случилось?

— Ничего страшного. Я все расскажу. Скоро увидимся.

Не хочу заранее пугать маму, а то изведется в ожидании

моего приезда.

Поездка в метро на Сокол казалась мне каким-то ритуалом, переходом из одной жизни в другую. Ехать всего через одну станцию, мимо Аэропорта, но эти несколько минут словно перезагрузка.

Я смотрела на мелькающие за окном стены тоннеля и чувствовала не боль, а спокойствие. Я мысленно репетировала слова, которые скажу родителям. Я не хотела истерик и драмы. Только факты.

Они встретили меня с распростертыми объятиями и тревогой в глазах. Запах домашних щей, который всегда ассоциировался у меня с уютом и безопасностью, сразу поднял настроение.

— Ну, говори, дочка, — потребовал папа, когда мы уселись за стол. Его лицо, обычно доброе и улыбочивое, было серьезным. — Где Сергей?

Я отложила ложку, сделала глубокий вдох и выдох. И начала рассказывать. Без прикрас, без самооправданий. Про ноутбук. Про видео. Про десяток разных женщин. Про то, как он вышвырнул меня из моей же квартиры. Про то, как мы с Диной и Вовкой выкинули его вещи. Про то, что заявление на развод уже подано.

Сначала они слушали затаив дыхание. Потом на лице мамы выступили слезы. А папа молча встал из-за стола, его кулаки сжались, а шея покраснела.

— Та-а-ак. Значит, он так с моей дочерью! — прорычал

он, и в его глазах бушевала буря. — Я ему, падле... Я ему кости пересчитаю, мразоте поганой! Где он сейчас? На работе, в салоне? Я сейчас пройду...

— Папа, нет! — я вскочила и схватила его за руку, — не надо. Не пачкай руки об эту... гадость. Он того не стоит. Тебе же потом и отвечать придется. Все решится цивилизованно, через суд.

— Но почему ты сразу не позвонила? — всплеснула руками мама, утирая слезы салфеткой. — Мы бы приехали! Мы бы...

— Мам, я не хотела поднимать шумиху, — перебила я ее мягко, но твердо. — И потом, у меня Дина с Вовой под боком. Они были рядом. Мы все оперативно решили. И с утешением, и с выселением.

Я снова села и взяла руку мамы в свою:

— Я уже отошла от потрясения. Честно. Сейчас я смотрю на ситуацию адекватно. Да, больно. Да, обидно. Но знаешь, о чем я сейчас больше всего думаю? — я посмотрела на них обоих. — Я радуюсь, что мы не успели завести детей. Представляете, если бы у нас был малыш? Он бы сейчас страдал. Или рос бы с таким отцом-изменником. А так... так все правильно. Чистый лист. Никто, кроме меня, не пострадал.

Они смотрели на меня: мама со слезами на глазах, папа с суровым, но уже более спокойным выражением лица. И я видела, что они понимают. Понимают, что их дочь не сломалась. Что она прошла через огонь и вышла из него не пеп-

лом, а сталью.

— Ладно, — тяжело вздохнул папа, снова садясь за стол.
— Раз так... Значит, так. Но если он хоть раз попробует к тебе подойти, сразу звони. Поняла?

— Поняла, пап. Спасибо.

Мы доели обед, и разговор постепенно перешел на другие темы. О работе. О моих планах.

— Буду дорабатывать ревизором до Нового года, — сказала я. — А потом займусь серьезным поиском. Буду искать работу по своей специальности. По бухгалтерии, по аудиту. Надоело по салонам связи бегать. Хочу в нормальный офис, с перспективой.

Они поддержали меня. И в их глазах я видела не только жалость, но и гордость. Гордость за то, что я не расплылась жидкой лужей в своем несчастье, а строю планы. Что я смотрю вперед.

Возвращаясь вечером домой, в свою чистую, свободную от чужих следов квартиру, я чувствовала приятную усталость, как после тяжелой, но необходимой работы. Самый сложный разговор был позади, а впереди была новая жизнь.

Войдя в подъезд, я подошла к лифту и нажала кнопку вызова. И вдруг от площадки с батареей до меня донесся голос:

— Аня... Можно к тебе?

Глава 12

Я впустила Тёму в квартиру, а он продолжал свой рассказ таким будничным тоном, словно рассказывал не о личной драме, а о просмотренном мультике. От этого обыденного тона становилось жутко.

— Я на стройке с пацанами в догонялки играл, — говорил он, развязывая шнурки на выдавших виды ботиночках. — Потом замерз, думал, мамка уже одна будет... А у нее опять новый дядька... С усами. Они дома... это самое... трахались, короче.

— Тёма! — воскликнула я, аж подпрыгнув от такой лексики. — Рано тебе такие слова говорить!

— А видеть — это нормально? — горько усмехнулся мой юный гость, стаскивая ботинки с промокших носков, — ты же не маленькая. Сама все понимаешь... А этот усатый, как увидел меня, как дал подзатыльник и в подъезд выкинул. Больно за руку схватил и вытащил из квартиры. У них там еще две бутылки водки на полу стояли... Так что он еще долго не уйдет. Я точно знаю... А тебя дома не было, вот я к батарее греться сел.

— Ты хоть кушал что-нибудь? — спросила я, чувствуя, как у меня внутри закипает бессильная, отчаянная ярость.

Не то к его бестолковой матери, не то ко всем нам, взрослым, которые проходили мимо и не замечали большой беды

маленького мальчика.

— Я у прохожих денег навывпрашивал, — пожал Тёма плечами, — быстро насобирал и в дальнем ларьке хот-дог купил. Там вкусные делают, с кетчупом.

Я сокрушенно провела рукой по лицу. Все мои «взрослые» проблемы с Сергеем, все эти драмы с изменами и разбитым ноутбуком вдруг показались такими мелкими и ничтожными, такими «благородными» на фоне настоящего детского ада, что творится у меня под боком.

— Твою мать... — сдавленно прошептала я сама себе под нос.

— Это точно, — совершенно серьезно, с полным пониманием согласился Тёма и стянул свою грязную куртёху.

Я быстро переоделась в домашнее и занялась гостем. В голове крутилась мысль: «Жить одной в трешке — вполне себе шикарно, Серегин кабинет теперь пустует...».

Идея, что мелькнула искрой в голове, погасла, сменившись насущными вопросами

Сначала предстояли неприятные, но абсолютно необходимые процедуры. Санитарные... Нужно было серьезно поговорить с парнишкой, без сюсюканий.

— Слушай, Тёма, — начала я, садясь перед ним на корточки, — ты останешься ночевать у меня, но мне нужно тебя осмотреть на разные... болезни. Проверить тебя на вшей, чесотку... А потом тебе нужно помыться, с ног до головы. Как следует. Ладно?

Он посмотрел на меня не с обидой, а с таким взрослым, деловым пониманием, что стало не по себе. Словно мы договаривались о важных санитарных нормах перед заселением в гостиницу.

— Не парься. Проверяй. В школе меня медсестра раз в неделю проверяет. На всякий случай.

Он покорно подставил мне свою голову с порядком отросшими волосами. Видимо, перед Первым сентября мать соизволила сводить его в парикмахерскую, а потом забила. Сам Тёмка об опрятности еще не задумывался, это надо прививать с ранних лет, а тут время упущено. Городской Маугли...

Я аккуратно, стараясь не выражать брезгливости, раздвинула его спутанные, немного сальные волосы на затылке, на висках... Голова была чистой, без признаков насекомых и их укусов. Уши, правда, грязноваты, но это поправимо. На руках признаков чесотки тоже не обнаружилось.

Я выдохнула с облегчением, которого сама от себя не ожидал:

— Отлично. Молодец. Теперь марш в ванную... Держи полотенце и мою футболку. Наденешь ее после помывки. Твои вещи я в стиралку закину. И еще... Принимай душ, а не ванну набирай, — строго сказала я, — а не то стану волноваться, что утонешь.

Тёма вдруг рассмеялся по-детски заразительно, и его смех прозвучал неожиданно звонко в моей тихой квартире:

— Мамка такими проблемами вообще не заморачивается.

Говорит, если утонешь, обедать не будешь.

Пипец...

Пока в ванной шумела вода, я металась по квартире, охваченная внезапной, иррациональной паранойей. Тёма с виду хороший мальчишка. Но улица — штука хитрая и беспощадная. Она воспитывает либо отпетых хулиганов, либо выживал с обостренным, до боли чутким чувством справедливости — учит жить по понятиям. Пока что Тёма был для меня непредсказуем.

Я собрала в кучу свои украшения: сережки от мамы, цепочку с кулоном, которую я купила на первую зарплату, колечко с фианитом, хорошую бижутерию... И засунула их в старую железную коробку из-под чая «со слоном», которую спрятала в чемодан на антресоли. Подальше положишь, поближе возьмешь — старинная мудрость!

Слово «крыса» по отношению к Тёме употреблять не хотелось, не поворачивался язык, но береженого, как говорится...

Когда мальчуган вышел из ванной, я рассмеялась. Моя сиреневая футболка на нем выглядела как настоящее платье, прикрывая подолом худые коленки. На животе красовался толстый принт черного кота. От горячей воды щеки Тёмы порозовели, а мокрые волосы весело торчали в разные стороны.

— Ну, погляди на себя! — не удержалась я и поставила его перед зеркалом. — Красавец!

Мальчик смущенно покраснел и потупил взгляд.

Пока он мылся, я застелила чистым бельем диван в бывшем кабинете Сергея, который теперь гордо именовался «свободной комнатой». Закинула все вещи Тёмы: и верхние, и нижние в стиральную машину, залила ударную дозу средства для стирки и кондиционера с запахом альпийской свежести. Запустила самый долгий режим стирки, с замачиванием!

— Чай будешь? — спросила я, когда он робко вышел на кухню, шлепая босыми ногами по полу. — С мятными пряниками.

— Конечно! Спрашиваешь еще, — его глаза снова загорелись детским огоньком, словно я пообещала устроить ему праздник с кучей сладостей, — нам школе такие дают.

Мы сидели на кухне, пили чай, а я смотрела на Тёму и думала, что это, наверное, самый необычный, самый душеворадирующий и в то же время самый теплый субботний вечер в моей жизни.

Когда я укладывала его спать и уже выходила из комнаты, выключая верхний свет, он окликнул меня сонным, но очень серьезным голосом:

— Аня... Не закрывай дверь. А то... Я боюсь остаться один.

Эти простые, но такие страшные слова пронзили меня до самого сердца, до зябких мурашек на коже.

— Хорошо, — тихо ответила я, оставляя дверь приоткры-

той. — Не закрою. Спи спокойно. Я рядом.

Глава 13

Утро воскресенья мы с Тёмой встретили вместе, как настоящая семья, хоть и временная, собранная по воле случая. Пока он уплетал омлет с сыром, который я старалась сделать особенно пышным, я гладила его выстиранные и пахнущие альпийскими лугами вещи. Мой отпариватель гудел, как маленький, но очень злой реактивный самолет, выжигая последние следы вчерашней грязи и нищеты.

— Тёма, а кто у вас дома обычно стирает и гладит? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал максимально нейтрально, будто меня просто интересует распорядок дня в его семье. — И есть ли у тебя школьная форма?

— Мамка, когда не пьет, то стирает, — деловито, с полным ртом, ответил он, проглатывая еду, чтобы говорить четче. — А так я сам. Я уже большой, мне семь! Только стираю на руках, в тазике. Наша стиралка давно сломалась, мамка ее еще летом какому-то дядьке с соседнего двора по дешевке продала. Говорила, срочно нужны деньги. А со школьной формой, ботинками и рюкзаком соцслужба помогла... Мамка в августе из запоя вышла, привела себя в порядок и начала по инстанциям бегать, требовать. Орала на всех, качала права... А как все чуть-чуть устаканилось, документы оформили, вещи выдали, она снова... расслабилась.

Я посмотрела на него и вздохнула. Синяки на тонких руч-

ках, похожие на отпечатки чужих, грубых и нетрезвых пальцев, приводили мое женское сердце в отчаяние. Излишняя худоба и бледность, кричали о хроническом недоедании и полном отсутствии в жизни мальчика фруктов, витаминов и просто нормальной, разнообразной еды. А его волосы, отросшие уже прилично, просились на стрижку. Но вести его в парикмахерскую в таком виде было бы преступлением... Даже чистая одежда не спасала ситуацию, а уж о куртке я вообще молчу.

После завтрака, порывшись в глубинах антресоли, где хранились реликвии моего детства и юности, я нашла коробку с настольной игрой-ходилкой «Путешествие по сказкам». Мы расстелили на полу в гостиной карту сказочного мира, уселись по-турецки друг напротив друга и погрузились в игру. Кидали кубик, двигали фишки, попадали в ловушки и смеялись, когда кому-то из нас приходилось возвращаться на двадцать ходов назад. Тёма был в восторге!

Мы болтали о разном: о школе, о его одноклассниках, о мультиках, о том, какие собаки самые смешные. Он утверждал, что таксы, а я — что мопсы. И я поймала себя на мысли, что в нашей с ним странной ситуации еще непонятно, кто кого спас: я его от ночевки в холодном подъезде или он меня от одинокого, тоскливого воскресного прозябания в четырех стенах.

Потом я оставила его смотреть какой-то мультсериал про говорящие машинки и отправилась на кухню варить кури-

ный суп. Он готовится быстро и просто. А мне так хотелось порадовать Тёму, снова увидеть искреннюю, жадную радость в его глазах. А заодно... проверить его на честность.

Глупо, конечно, мальчишке всего семь, но червячок сомнения, поселенный вчерашними мыслями об «уличной хитрожопости», тихонько грыз мой разум.

— Тёма, а не сбегаешь ли ты в наш супермаркет? — крикнула я из кухни, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно. — купишь торт к чаю, а то все сладкое закончилось. Деньги я дам.

Он тут же появился в дверном проеме, а хитрая мордашка расплылась в улыбке:

— А какой торт брать? Я в них не разбираюсь.

— Любой, на твой вкус. Где много крема и ягод. Вот, — я протянула ему тысячу рублей.

Сумма для ребенка его возраста и положения несусветная, целое состояние.

Я специально, сознательно, не сказала ни про чек, ни про сдачу. Мне нужно было посмотреть, как он себя поведет. Вернется ли вообще. Не поддастся ли искушению, которое для него, наверное, было сродни испытанию голой женщиной для святого.

Тёма быстро оделся, сунул купюру в карман штанов и выскочил из квартиры с таким важным видом, будто ему доверили сверхсекретную миссию по взлому Пентагона. До нашего супермаркета меньше пяти минут неспешным шагом...

Суп варился, на кухне стоял вкусный, согревающий душу аромат бульона и приправ. Прошло пятнадцать минут. Я начала нервно поглядывать на часы. Двадцать минут. Я подошла к окну, вглядываясь в заснеженный двор. Тридцать... Сорок... Тёмы все не было.

«Ну вот, Аня, — с горькой, едкой усмешкой подумала я, глядя сквозь стекло на детскую площадку. — Опять тебя обманули. Мужикам нельзя верить. Даже маленьким. Очередное разочарование в людях. Надо было слушать внутреннего параноика».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.